

DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-3-58-62

Н.А. НИКОЛИНА

Семантика заглавия романа В.В. Набокова «Подвиг» (К 120-летию со дня рождения)

Роман В.В. Набокова «Подвиг» имеет в современном литературоведении разные трактовки. Ключом к его интерпретации может служить анализ заглавия произведения. Цель статьи – рассмотреть семантику названия и показать его связь с текстом. Для анализа используются описательный и сопоставительный методы, а также обращение к этимологии слова и его семантической структуре. В статье показаны диффузность значения заглавия и его связь с различными контекстами романа. Делается вывод, что название произведения в конденсированной форме определяет основную тему текста и выражает авторскую оценку изображаемого.

Ключевые слова: *заглавие; имя собственное; многозначность слова; мотив; текст; семантика; семантическое поле*

Natalia A. Nikolina

Semantics of the Title of the Novel «Glory» by V.V. Nabokov (To the 120th Anniversary of the Birth)

The novel «Glory» by V.V. Nabokov has been given different interpretations in modern literary criticism. The analysis of the title of the work might serve as a key to its interpretation. This article aims to examine the semantics of the title and show its connection with the text. The analysis is carried out using descriptive and comparative methods, as well as the etymological approach to the study of words and their semantic structures. It is shown that the title is characterized by diffuseness of the meaning, which has connection with various contexts of the novel. It is concluded that the title of the work in its condensed form determines the main theme of the text and expresses the author's assessment of the described.

Keywords: *title; proper name; polysemy of the word; motive; text; semantics; semantic field*

Заглавие художественного произведения – один из важнейших компонентов текста, который оно, находясь в абсолютно сильной позиции, открывает. Заглавие – это «компрессивное, нераскрытое содержание текста. Его можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [Гальперин 1981: 133]. Функция названия текста

сочетается у заглавия с функцией обобщения содержания, а также часто с функцией оценки. Заглавие в результате «есть не что иное, как первая интерпретация произведения, причем интерпретация, предлагаемая самим автором» [Николина 2014: 171], поэтому анализ названия текста особенно важен в тех случаях, когда художественное произведение получает неоднозначные, часто противоречивые трактовки и оценки. К таким произведениям относится роман В.В. Набокова «Подвиг», завершённый в 1930 г. Отзывы о нем современников «оказались в основном прохладными, а смысл повторяющихся упреков без труда предугадываемым: что за «Подвиг» без подвига, что за повествование без кульминации, которая ожидается, но не наступает» [Зверев 2016: 202; Boyd 1990].

Роман «Подвиг» имеет парадоксальное строение. «Большой по объёму, с демонстративно ослабленным сюжетом, он внезапно обрывается у порога главного действия, заявленного в заглавии» [Брукс 1999: 57]. То, что обозначено словом *подвиг*, вынесено за рамки произведения,

Наталья Анатольевна Николина, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, Институт филологии

E-mail: admin@riash.ru

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

ул. Малая Пироговская, д. 1/1, Москва, 119435, Россия

*Moscow Pedagogical State University
1/1 Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russia*

Ссылка для цитирования: Николина Н.А. Семантика заглавия романа В.В. Набокова «Подвиг» (К 120-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2019. – № 3. – С. 58–62. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-3-58-62.

а повествование представляет собой своеобразную интродукцию, предваряющую поступок героя и его возможный результат. Неясными остаются и мотивы этого действия: «автор отказывается придать их общественному читательскому достоинству» [Брукс 1999: 58].

Персонажи романа затрудняются определить характер поступка героя (нелегальный переход границы) и его цель. В их оценках повторяются семантические компоненты *странный, непонимание*. Ср.:

Что за ерунда, — подумал Дарвин. — Тут есть что-то странное. Спокойно сидел в Кембридже, пока была у них гражданская война, а теперь хочет получить пулю в лоб за шпионаж... Какие дурацкие разговоры...¹;

Я никак не могу понять, как молодой человек, довольно далекий от русских вопросов, скорее, знаете, иностранной складки, мог оказаться способен на... на подвиг, если хотите.

Слово *подвиг*, вынесенное в заглавие, как видим, появляется и в финале романа, но при этом подчеркивается неуверенность говорящего в точности этой оценочной номинации. Одновременно поступок Мартына определяется в тексте как романтическая авантюра, «бессмыслица», «странная история». Сам же герой использует эвфемистические обозначения «экспедиция», «путешествие». Таким образом, заглавие произведения представляет собой одну из загадок романа, оно характеризуется семантической сложностью и предполагает неоднозначные трактовки.

Заглавие романа «Подвиг» имеет достаточно сложную историю. Первоначально Набоков хотел назвать произведение «Романтический век». Это заглавие соотносилось с грезами героя о подвиге и его оценкой своего времени. Ср.: «Такого блеска, отваги, таких замыслов не было ни у одной эпохи. Все то, что искрилось в прежних веках, — страсть к исследованию неведомых земель, дерзкие опыты, подвиги любознательных людей, ...героические заговоры, борьба одного против многих, — все это проявлялось теперь с небывалой силой» (Гл. XXX).

Другим вариантом названия было слово *Воплощение*, которое, с одной стороны, указывало на реализацию мечты героя, с другой — на «осуществление личности»

[Зверев 2016: 205]. Но и это заглавие было отвергнуто автором, в сильную позицию текста было вынесено слово «Подвиг». В американском же издании романа Набоков изменил заглавие, мотивировав это несоответствием русского слова *подвиг* английскому *exploit*, а также возможными ассоциациями со словом *exploitation* (эксплуатация).

«...Автор выбрал для английского названия околное слово «glory» (слава): оно не дословно, но зато полнее передает смысл русского заглавия, со всеми его естественными ассоциациями, разбегающимися на медном солнце. Тут и слава возвышенного предприятия и бескорыстного достижения, слава земная и слава пятнистого земного рая, слава личной отваги, слава лучистого мученичества»², — писал В.В. Набоков [Набоков 2017: 346]. Слово *glory* существенно усиливает высокую оценку поступка героя, русское же слово *подвиг* скорее характеризует его действия, при этом в тексте оно реализует разные значения этой лексической единицы.

Слово *подвиг*, этимологически связанное с глаголом *двигать(ся)*, в XVIII — начале XIX в. было многозначным. Оно последовательно выступало в значениях «упражнение», «состязание», «стремление», «труд», «дело». «В высоком стиле XVIII в. было очень живым употребление слова *подвиг*... в значении “движение, путь”. На основе этого употребления в стихотворном языке сложилось выражение *свершить свой подвиг* в значении “осуществить свой жизненный путь, окончить жизнь”» [Виноградов 1999: 482]. Примерно с середины XIX в. слово *подвиг* стало употребляться в значении «совершенное трудного, важного дела», а затем в значении «героический, самоотверженный поступок, совершенный в трудных условиях».

Обращаясь к произведениям Набокова, в том числе и к роману «Подвиг», «читатель способен уловить существенные уровни смысла, лишь различая связи между словесными гроздьями, разбросанными по всему полю произведения и соотношенными с контекстами, таящими истинное значение слов» [Александров 1997: 257]. К таким «словесным гроздьям» в тексте романа «Подвиг» можно отнести ономастическое пространство романа, лексико-семантическое

¹ Здесь и далее текст романа «Подвиг» цит. по: Набоков В. Машенька. Подвиг. — СПб., 2017.

² Набоков В. Предисловие автора к американскому изданию // В. Набоков. Машенька. Подвиг. — СПб., 2017. — С. 346.

поле «Движение», лексические ряды «Опасность», «Храбрость» и лексико-фразеологическое поле «Россия».

Главный герой романа, по определению автора, — «самый добрый, самый порядочный и самый трогательный из всех» его молодых персонажей [Набоков 2017: 344]. Его имя (Мартын) и «ботаническая» фамилия Эдельвейс, указывающая на швейцарские корни персонажа, образуют семантически противоречивый комплекс. В тексте актуализируется внутренняя форма слова *эдельвейс*: *edel* — «благородный», *weiß* — «белый». Значимо и то, что это название горного цветка является традиционным символом верности и мужества и соотносится с пространственным образом вертикали, движения вверх (см. сцену в романе, когда герой пытается преодолеть страх и подняться на скалу).

Необходимо учитывать и этимологию имени собственного Мартын³ (Мартин) — «посвященный Марсу», «связанный с Марсом». Характерно, что в мечтах героя развивается тема военного подвига. Ср.:

Иногда Мартын представлял себе в живописной мечте, как возвращается к Соне после боев в Крыму, и вот с громом проскакивало слово кавалерия... марш-марш, — и свист ветра, комочки черной грязи в лицо, атака, атака... (Гл. XXIV).

Французский исследователь Нора Брукс предлагает такую версию выбора этого имени: «Образ Мартына содержит еще одну важную для понимания романа аллюзию на “Евгения Онегина”. Онегин — фамилия речная. С рекой, путешествием по воде, связана главная тема образа Мартына. Переключка реализуется в имени героя: Мартын — общее название водных птиц... в число которых входит и чайка, и рыболов. Этот скрытый в имени образ — народное отражение пушкинского гуся⁴, который оказывается эмблемой для именин Мартына» [Брукс 1999: 70]. Учитывая безусловную значимость аллюзий в структуре романа «Подвиг», считаем тем не менее, что связь имени Мартын с образом птицы скорее актуализирует мотив полета. Возможно также, что имеет место и характерное для

поэтики Набокова анаграммирование: звуковой комплекс *m-p-m* вызывает ассоциации со словами *martyr* (лат.), *Märtyrer* (нем.), *martyr* (англ.) со значением «мученик». Не случайно Набоков, говоря о романе, упоминал «славу лучистого мученичества». Эта звуковая связь служит знаком возможной гибели Мартына в России-Зоорландии, где *пахнет гарью и тленом*, и актуализируется в ряде контекстов романа. Ср.:

Как знать, — быть может, он уже за пограничной чертой... ночь, неизвестность... сейчас окликнут. (Гл. XXXVIII);

Мартыну казалось, что в обычае казнить на рассвете есть милосердие: дай Бог, чтобы это случилось утром, когда человек владеет собой, улыбается и вот — стал и раскинул руки. (Гл. XLVI).

Мотив грядущей гибели Мартына отсылает к казни Н. Гумилева⁵ и перекликается со стихотворением Набокова «Расстрел» (1927):

Но сердце, как бы ты хотело,
Чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
И весь в черемухе овраг [Набоков 1991: 127].

Не менее значима в романе фамилия бабушки и, соответственно, матери Мартына. Если фамилия Эдельвейс подчеркивает швейцарские корни героя, то фамилия Индрикова связывает его с русской «сказочной фауной». Мартын, которого Соня иронически называет цветком, одновременно соотносится с мифологическим Индриком, который «всем зверям царь». В русском фольклоре Индрик сблизается с Единорогом, традиционно символизирующим чистоту, стремление к свободе и познанию. Таким образом, уже в имени и фамилии героя обнаруживаются смыслы, связанные с развертыванием в тексте мотива подвига как непрерывного движения, как постижения себя и мира. Имена собственные при этом прежде всего связывают персонаж с природой. «Мартын, подобно герою мифологической поэмы, ориентируется в таинственном для него пространстве по знакам, сигналам. Ими служат звезды..., огни..., звуки..., птицы. Герой ощущает

³ Показательно, что герой совершает переход границы в день св. Мартина Турского (11 ноября) или в день св. Мартина, Папы Римского (12 ноября).

⁴ На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед... (А. Пушкин).

⁵ В лекции «Искусство литературы и здравый смысл» (1941) Набоков отмечал, что одна из главных причин гибели Н. Гумилева, в котором видел воплощение героизма и человеческого достоинства, в том, что и «в пыточных камерах» и на месте казни «поэт не перестает улыбаться» (Цит. по: [Зверев 2016: 202]).

единство мира, присутствие потустороннего в реальном» [Брукс 1998: 77]. Не случайно некоторые исследователи, например Э. Хабер, отмечали наличие в романе «Подвиг» сказочного начала [Haber 1977].

Сквозным семантическим полем в тексте является поле «Движение». Оно включает многочисленные лексические единицы, обозначающие перемещение героя, а также слова *поезд, путь, дорога, тропа (тропинка)*. Ср., например:

Со станции поехали в Биарриц в наемном ландо, пыльной дорогой...;

...Через три дня он с матерью отплывал в Марсель;

...Мартын, дослушав звон до конца, ...продолжал путь, любимую свою прогулку, начинавшуюся деревенской дорогой и тропинками в еловой глуши;

Этим путем нельзя было добраться до вершины, и Мартын пошел лезть прямо по скалам;

Упруго идя по тропе в черной еловой чаще, где, там и сям, сияла желтизной тонкая береза, он с восторгом предвкушал вот такую же прохваченную солнцем осеннюю глушь...

Образ тропы (тропинки) ключевой в тексте. Он появляется в начале романа в описании детства Мартына и завершает роман. Ср.:

Над маленькой, узкой кроватью, с белыми веревочными решетками по бокам и с иконкой в головах... висела на светлой стене акварельная картинка: густой лес и уходящая вглубь витая тропинка. (Гл. II) –

Из глубины печального, бурого сада вышел дарвин, прикрыл за собой калитку... и пошел обратно – тропинкой через лес... Черная хвоя иногда задевала за плечо, темная тропа вилась между стволами живописно и таинственно. (Гл. I).

Образ тропы неоднократно появляется в воспоминаниях и грезах Мартына. «Опасная дорожка, по которой в конце концов Мартын направляется в запретную Зоорландию... просто доводит до нелогического конца сказочную тропку, петляющую на акварели в детской» [Набоков 2017: 344]. Образ тропы неоднократно отсылает в тексте к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» (см., например, «Звезда. Туман. Бархат...»); эта интертекстуальная связь актуализирует соотнесенность поля «Движение» с полем «Жизнь – смерть».

Образ тропы связан и с характерной для поэтики Набокова темой тайного узора судьбы, который необходимо узнать

на фоне других, запутанных линий, часто кажущихся бессмысленными, но определяющих множество деталей в повествовании.

Тропа также служит в романе символическим образом пути, который создает кольцевое построение текста, и одновременно выступает как своеобразный «обманный сигнал читателю, что герой уходит по той же тропинке в текст, по которой вышел из него» [Брукс 1998: 60]. В результате возникает «ощущение мира, куда-то отступающего и там останавливающегося, замирающего вдаль как картина внутри картины» [Nabokov 1980: 3]. Сочетающийся же с образом тропы образ темного хвойного леса развивает в тексте тему опасности и участвует в развертывании мотива гибели.

Движение, предполагающее достижение цели, в романе не сводится только к перемещению в пространстве. Это поле связано в тексте и с другими смыслами. Как «счастливое и мучительное путешествие» в нем перифрастически определяется жизнь. Движение служит также знаком поисков духа:

Да и не все ли равно, откуда приходит нужный толчок, от которого трогается и катится душа, обреченная после сего никогда не прекращать движения. (Гл. I).

Движение в ряде контекстов синонимично слову *стремление* и предполагает определение и обретение цели/смысла жизни. Движение, наконец, оказывается в тексте путем на Родину и постижением России.

Образ России в произведении амбивалентен: с одной стороны, это страшная Зоорландия, с другой – страна ностальгических воспоминаний героя. Ср., например:

Ему мерещилось, что он вернулся в Россию, было все так бело... Да, он опять попал в Россию. Вот эти великолепные ковры – из пушкинского стиха... (Гл. XIX).

Одновременно в романе образ России раскрывается через тему «переливов русской речи» и значимости русской литературы, которую постепенно открывает для себя Мартын:

Таких слов, таких понятий и образов, каких создала Россия, не было в других странах, – и часто он доходил до косноязычия, до нервного смеха, пытаясь объяснить иноземцу, что такое «оскомина» или «пошлость». Ему льстила влюбленность англичан в Чехова, влюбленность немцев в Достоевского. (Гл. XL).

Путешествие же в современную герою Россию — Зоорландию⁶, «северную» страну суровых запретов, сближается в романе с посещением Царства мертвых и обнаруживает мифологический подтекст произведения. Пересечение границы для Мартына оказывается и достижением заветной цели, и преодолением себя, и встречей с Родиной, и приобщением к таинству. «Фуговая тема» судьбы Мартына, по словам Набокова, — «достижение цели; он из числа тех редких людей, мечты которых сбываются. Но достижение это само по себе неизменно пронизано бывает острой ностальгией. Воспоминание детской грезы соединяется с ожиданием смерти» [Набоков 2018: 345].

В заглавии романа, таким образом, совмещаются разные смыслы, восходящие к различным значениям слова *подвиг* в его исторической перспективе: «путь», «путешествие» [Даль 1956, III], «движение», «стремление», наконец «доблестный поступок». Эти смыслы последовательно актуализируются в тексте на основе взаимодействия перекрещивающихся лексических рядов, содержащих отмеченные семантические компоненты, при этом значительная часть слов выступает в переносных значениях. По оценке самого писателя, герой романа оказывается победителем [Набоков 2018: 231]: «Вещь эта — о преодолении страха, о триумфе и блаженстве этого подвига» [Там же: 111]. Заглавие, таким образом, служит своеобразной оценочной рамкой текста. Его семантика и связь с содержанием обнаруживают черты, характерные для поэтики В.В. Набокова в целом: регулярную «перекодировку» смыслов, высокую семантическую плотность текста, многозначность его ключевых слов, аллюзивность, взаимодействие различных тропов в структуре произведения.

⁶ С текстом «Подвига» перекликается стихотворение «Ульдаборг (Перевод с зоорландского)», написанное во время работы Набокова над романом:

Смех и музыка изгнаны. Страшен
Ульдаборг, этот город немой.
Ни садов, ни базаров, ни башен,
И дворец обернулся тюрьмой...
Я вернулся, и это мой смех —
над запретами голого цеха,
над законами глухонемых,
над пустым отрицанием смеха,
над испугом сограждан моих
[Набоков 1991: 156–157].

ЛИТЕРАТУРА

Александров В.Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика. — СПб., 1999.

Брукс Н. Эшафот в хрустальном дворце. — М., 1998.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1956. — Т. 3.

Зверев А. Набоков. — М., 2016.

Набоков В. Машенька. Подвиг. — СПб., 2017.

Набоков В. Стихотворения. — М., 1991.

Набоков В. Строгие суждения. — М., 2018.

Николина Н.А. Филологический анализ текста. — М., 2014.

Boyd V. Vladimir Nabokov: The Russian years. — Princeton, 1990.

Haber E. Nabokov's Glory and the Fairy Tale. In *Slavic and East European journal*. 1977, vol. 21, № 2.

Nabokov V. Lectures on literature. — New-York and London, 1980.

REFERENCES

Aleksandrov V.E. Nabokov i potustoronnost': metafizika, etika, estetika [Nabokov and otherworldliness: metaphysics, ethics, aesthetics]. Sankt-Petersburg, 1999. (In Rus.)

Bruks N. Eshafot v khkrustal'nom dvortse [Scaffold in a crystal palace]. Moscow, 1998. (In Rus.)

Galperin I.R. Tekst kak ob"yekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]. Moscow, 1981. (In Rus.)

Dahl V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, 1956, vol. 3. (In Rus.)

Zverev A. Nabokov. Moscow, 2016. (In Rus.)

Nabokov V. Mashen'ka. Podvig [V. Nabokov. Mashenka. Glory]. Sankt-Petersburg, 2017. (In Rus.)

Nabokov V. Stikhotvoreniya [Poems]. Moscow, 1991. (In Rus.)

Nabokov V. Strogiye suzhdeniya [Strong Opinions]. Moscow, 2018. (In Rus.)

Nikolina N.A. Filologicheskii analiz teksta [Philological analysis of the text]. Moscow, 2014. (In Rus.)

Boyd V. Vladimir Nabokov: The Russian years. Princeton, 1990.

Haber E. Nabokov's Glory and the Fairy Tale. In *Slavic and East European journal*. 1977, vol. 21, No.2.

Nabokov V. Lectures on literature. New-York and London, 1980.